

Все радости — призрачны, и горевать о том, что они
упущены, мелочно, даже смешно

АФОРИЗМЫ ЖИТЕЙСКОЙ МУДРОСТИ

АРТУР ШОПЕНГАУЭР

PRO власть (Рипол)

Артур Шопенгауэр

Афоризмы житейской мудрости

«РИПОЛ Классик»

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)5-4

Шопенгауэр А.

Афоризмы житейской мудрости / А. Шопенгауэр — «РИПОЛ
Классик», — (PRO власть (Рипол))

ISBN 978-5-386-09397-6

В настоящее издание включены знаменитые «Афоризмы житейской мудрости», написанные выдающимся исследователем проблем оптимизма и пессимизма, «воздухоплавателем духа» Артуром Шопенгауэром во второй половине сороковых годов XIX века.

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)5-4

ISBN 978-5-386-09397-6

© Шопенгауэр А.
© РИПОЛ Классик

Содержание

Автобиография доктора философии Артура Шопенгауэра. Перевод профессора Z	6
Введение	8
Глава I. Основные отделы	9
Глава II. О том, что есть индивид	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Артур Шопенгауэр
Афоризмы житейской мудрости

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2016

Автобиография доктора философии Артура Шопенгауэра. Перевод профессора Z

В течение всей своей жизни я пользовался редким счастьем свободы и независимости, как в повседневной своей обстановке, так и в занятиях научных. Мой путь был без чувствительных неприятностей, гладок, светел, что удел немногих.

◆ Родился я в Гданьске (Данциг) 22 февраля 1788 г. Отец мой Генрих Флорис, человек крайне пылкий, самостоятельный в своих мнениях, справедливый, добрый и неподкупный, был коммерсантом. Ему одному я обязан всем, что имею; пока я жив – всегда буду чувствовать благодарность к нему и память о нем будет для меня священна. Мать мою звали Анна-Генриетта Трозинер.

◆ Когда в 1793-м прусский король с войском обложил города Гданьск и не было никакой надежды на спасение, мой отец, не желая видеть падения родины, с женой и с сыном за несколько часов до вступления войск в город оставил Гданьск и выехал по безопасной дороге в Гамбург. Это было на пятом году моей жизни. Отец избрал после этого Гамбург своим постоянным местожительством, но приписываться к числу граждан гамбургских не хотел. Что же касается меня, единственного сына и наследника, то он заботился, чтобы я был человеком разносторонне образованным и посвятил себя также торговому делу. В 1797 г. он отправился во Францию и Англию, взяв и меня с собой. Во Франции, в Гавре, отец оставил меня у одного своего друга, и с сыном его, моим сверстником, я учился у известнейших местных учителей разным наукам и французскому языку. Через два года я возвратился в Гамбург. Велико было удивление отца, когда он меня увидел совершенно офранцузившимся, родной же язык я настолько забыл, что многое не понимал из того, что мне говорили. В Гамбурге я 11 лет поступил в частное училище доктора философии Рунге, где воспитывались сыновья знатнейших граждан, преимущественно коммерсантов. Отец готовил меня к тому занятию, которому посвятил себя, но мои наклонности не соответствовали его намерениям. Я чувствовал призвания к наукам другого рода – отвлеченным – и желал поступить в гимназию. Чтобы отклонить меня от этой мысли, на 16-м году моей жизни (в 1803 г.) отец взял меня с собой в путешествие по Европе – я побывал в лучших городах Бельгии, Англии, Франции, Швейцарии и Южной Германии. Чтобы я мог выучиться английскому языку, родители меня оставили в Англии, а сами отправились на север в Шотландию. Я жил у одного священника около Лондона... Много времени у меня ушло на эти путешествия, хотя и интересные, но которые не могли дать мне правильного образования. По возвращении в Гамбург я по воле отца поступил для изучения товарного дела к одному коммерции советнику, но, не чувствуя влечения к этому ненавистному занятию, я тайно занимался посторонним делом: читал френологию магистра Галля и другие книги. Но скоро мои обстоятельства изменились. Около этого времени умер мой отец, а мать переселилась в Веймар. Я в письме к одному веймарскому другу, Фернову, жаловался на свою участь. Он показал письмо матери и убедил ее дать свободу влечениям сына. Получив письмо от матери, которое наконец предоставило мне свободу, я заплакал от радости. Немедленно я отправился в Готу. Это было в 1807 г., на 19-м году моей жизни. Здесь Деринг, директор гимназии, занялся со мной латинским языком для подготовки в университет; но скоро я оставил готскую гимназию и переехал в Веймар, где поселился у профессора филологии Пассова и под его руководством изучал латинский и греческий языки. Кроме Пассова моим учителем был Ленц, директор веймарской гимназии. Об обоих этих учителях у меня остались самые благодарные воспоминания. Наряду с филологией я занимался также математикой и историей. После двухлетних занятий я настолько преуспел, что когда поступил в университет, то многих превосходил своими познаниями.

◆ В 1809 г., достигши совершеннолетия, я получил третью часть из оставленного отцом наследства. В этом же году я поступил в Геттингенский университет на медицинский факультет, но, заинтересовавшись философией, через полгода перевелся на философский, впрочем, не оставляя совсем и медицинского, и занялся изучением Платона и Канта. В продолжение двух лет моего пребывания в университете я слушал Г. Е. Шульца, проф. логики, метафизики и психологии; Тибавция, читавшего чистую математику; Геерена, проф. истории; Люсдера, читавшего историю Германии; Блюменбаха, проф. естественной истории; Штромейера – химика; Тобиаса Мейера, проф. физики и астрономии, и Шрадера, преподававшего ботанику. Все они своими лекциями принесли мне несомненную пользу.

◆ В 1811 г. я переселился в Берлин. Здесь я слушал лекции Вольфа – по истории греческой и латинской литературы; Шлейермахера – по истории философии; Эрмана, читавшего о магнетизме и электричестве; Лихтенштейна – по зоологии; Клапрота – по экспериментальной химии; Фишера – по физике, Боде – по астрономии; Вейсса – по геологии; Горкеля – по общей физиологии; Розенталя – по анатомии; прилежно посещал Фихте, читавшего философию, и в аудитории не раз вступал с ним в диспуты по вопросам философии. В Берлине я был два года и собирался уже держать докторский экзамен, но неудачное сражение при Люцене побудило меня оставить Берлин и отправиться в Саксонию. Поселившись недалеко от Рудальштадта, я занялся окончательной отделкой своей диссертации: «О четвероюм корне закона достаточного основания». Вскоре Йенский университет удостоил меня степени доктора философии. На зиму я отправился в Веймар. Тут в доме матери я познакомился с величайшим человеком Германии – Гёте, который относился ко мне очень благосклонно. Но много пользы извлек я из этого знакомства.

◆ В 1814 г. весной я переселился в Дрезден, где и отдался научным занятиям. Большую услугу оказали мне здесь публичная библиотека и музеи. В 1815 г. написан мной трактат «О цветах и красках», под влиянием бесед с Гёте.

◆ В 1818 г. я окончил свой труд «Мир как воля и представление» и в том же году отправился путешествовать по Италии: побывал в Венеции, Флоренции, Неаполе, Риме, где прожил четыре месяца, видел Геркуланум и Помпею, а через 11 месяцев возвратился в Дрезден.

Введение

Понятие житейской мудрости имеет здесь вполне имманентное значение – именно в смысле искусства провести свою жизнь возможно приятнее и счастливее, искусства, руководство к которому можно было бы назвать также эвдемологией: это будет, следовательно, наставление в счастливом существовании. А это последнее опять-таки вполне можно было бы определить как такое существование, которое при чисто объективном рассмотрении или, вернее (так как здесь дело идет о субъективном суждении), при холодном и зрелом размышлении заслуживало бы решительного предпочтения перед небытием. Такое понятие о счастливой жизни показывает, что мы держимся за нее ради нее самой, а не просто из страха перед смертью; отсюда же следует, далее, что мы желали бы, чтобы она длилась вечно. Возникает вопрос, соответствует ли человеческая жизнь понятию о таком существовании, да и вообще, может ли она ему соответствовать; моя философия, как известно, отвечает на этот вопрос отрицательно, тогда как эвдемология предполагает положительный ответ на него. Ведь она исходит как раз из того врожденного заблуждения, разбор которого начинается 49-й главой, в томе II моего главного произведения. Поэтому, если я все-таки принимаюсь за такого рода сочинение, мне надлежит совершенно покинуть ту высшую, метафизико-этическую точку зрения, к которой, собственно, должна вести вся моя философия. Все, следовательно, приводимые здесь рассуждения основаны до известной степени на компромиссе – именно поскольку в них удержана обычная, эмпирическая точка зрения и сохранено ее коренное заблуждение. Таким образом, и ценность этого трактата может быть лишь условной, так как само слово «эвдемология» представляет собою не более как эвфемизм. Он нисколько не притязает также и на полноту: с одной стороны, сама тема неисчерпаема, а с другой – в противном случае мне пришлось бы повторять уже сказанное другими.

◆ Я могу припомнить только одно сочинение, написанное с подобной же целью, как предлагаемые афоризмы, а именно весьма поучительную книгу *Кардано* «О пользе, какую можно извлечь из несчастий» (*De utilitate ex adversis capienda*), которой и можно пополнить то, что дано мною. Правда, и *Аристотель* вставил краткую эвдемологию в 5-ю главу первой книги своей «Риторики»; она вышла у него, однако, очень пресной. Я не воспользовался трудами своих предшественников, так как компилирование – не моя специальность, тем более что при нем утрачивается единство точки зрения, это главное условие для подобного рода произведений. В общем, конечно, мудрецы всех времен постоянно говорили одно и то же, а глупцы, всегда составлявшие крупнейшее большинство, постоянно одно и то же делали – как раз противоположное; так будет продолжаться и впредь. Вот почему *Вольтер* говорит: «*Nous laisserons ce monde aussi sot et aussi mechant que nous l'avons trouve en y arrivant*» («Мы оставим этот мир столь же глупым и столь же злым, каким застали его»).

Глава I. Основные отделы

Аристотель (Никомахова этика, I, 8) разделяет блага человеческой жизни на три класса: блага внешние, блага душевные и блага телесные. Я со своей стороны сохранию от этой классификации только ее трехчленность – то, от чего зависит разница в жребии смертных, может быть, на мой взгляд, сведено к трем основным пунктам. Вот они:

1. Что есть индивид – то есть личность в самом широком смысле слова. Сюда относятся, следовательно, здоровье, сила, красота, темперамент, нравственный характер, ум и его развитие.

2. Что имеет индивид – то есть всякого рода собственность и владение.

3. Чем индивид представляется. Под этим выражением, как известно, понимают, каков он в представлении других, то есть, собственно, как они себе его представляют. Таким образом, здесь мы имеем дело с их мнением о нем, которое проявляется в тройкой форме – как честь, ранг и слава.

Рассмотрению под первой рубрикой подлежат те различия, которые провела между людьми сама природа. Уже отсюда можно понять, что их влияние на людское счастье и несчастье должно быть гораздо более существенным и решительным, чем то, какое может принадлежать указанным в двух остальных рубриках разграничениям, которые обусловлены просто человеческими определениями. Перед *подлинными личными преимуществами*, великим умом или великим сердцем все преимущества ранга, рождения, хотя бы даже королевского, богатства и т. п. – то же самое, что театральные цари перед настоящими. Уже *Метродор*, первый ученик Эпикура, назвал одну из своих глав: «*Peri tou meizona einae ten par'emas aetian pros eudaemonian tes es ton pragmaton*»¹. И вообще, очевидно, благосостояние человека, да и весь характер его существования главным образом зависит от того, что в нем самом имеет постоянное или преходящее значение. Ведь в этом заключается непосредственно его внутреннее довольство и недовольство, которые прежде всего являются результатом его чувствования, воления и мышления; все же внешнее влияет на его самочувствие лишь косвенным путем. Вот почему одни и те же внешние происшествия и отношения отзываются на каждом человеке совершенно различно и при одной и той же обстановке каждый все-таки живет в своем особом мире. Ибо всякий человек непосредственно сознает только свои собственные представления, чувства и волевые движения: внешние вещи влияют на него лишь постольку, поскольку они дают повод для этих психических состояний. Мир, в котором живет каждый из нас, прежде всего зависит от того, как мы его себе представляем, он принимает различный вид, смотря по индивидуальным особенностям психики: для одних он оказывается бедным, пустым и пошлым, для других – богатым, полным интереса и смысла. Когда, например, кто-нибудь завидует интересным приключениям, встретившимся в жизни другого лица, надлежало бы скорее завидовать тому дару понимания, в силу которого приключения эти получают значительность, какую они имеют в описании испытавшего их: ведь одно и то же происшествие, представляющееся столь интересным для высокоодаренного интеллекта, в представлении плоской дюжинной головы принимает вид самого пустого случая из повседневной жизни. Чрезвычайно заметно это на некоторых произведениях Гёте и Байрона, повод к которым дан, очевидно, действительными происшествиями: неумный читатель будет, пожалуй, завидовать изображенному поэтом прелестнейшему этюду, вместо того чтобы направить свою зависть на мощную фантазию, которая из довольно обыденного случая способна сделать нечто великое и прекрасное. Равным образом меланхолик видит трагедию там, где сангвиник усматривает лишь интересный конфликт, а флегматик – нечто малозначительное. Все это имеет свой корень в том, что всякая

¹ «О том, что в нас лежащая причина для счастья важнее той, которая обусловлена обстоятельствами» (греч.).

действительность, то есть всякое заполненное настоящее, состоит из двух половин, субъекта и объекта, хотя они и находятся между собой в столь же необходимой и тесной связи, как кислород и водород в воде. Поэтому при вполне одинаковых объективных данных, но различных субъективных, а также в обратном случае наличная действительность принимает совершенно иной вид: прекраснейшая и наилучшая объективная сторона при тупой, плохой субъективной все-таки даст лишь плохое действительное и настоящее, точь-в-точь как прекрасная местность в плохую погоду или в отражении плохой камеры-обскуры. Говоря проще, всякий замкнут в своем сознании, как и в своей коже, и только в нем живет непосредственно; вот почему ему нельзя оказать большой помощи извне. На сцене один играет князя, другой – советника, третий – слугу, солдата, генерала и т. д. Но различия эти имеют чисто внешний характер; во внутренней же сущности такого явления у всех скрывается одна и та же сердцевина: бедный актер с его заботой и нуждой. То же самое в жизни. Различия ранга и богатства каждому отводят свою роль, но ей вовсе не соответствует внутренняя разница в счастье и довольстве: и здесь в каждом скрывается тот же бедняк с его нуждой и заботой. Правда, по своему содержанию эти последние у каждого свои, но по форме, то есть по своей истинной сущности, они у всех почти одинаковы, хотя они и различаются в степени, но различие это вовсе не определяется положением и богатством человека, то есть его ролью. Именно: так как все, что для человека существует и случается, непосредственно существует все-таки лишь в его *сознании* и случается для этого последнего, то наиболее существенное значение имеет природа самого сознания, и в большинстве случаев она играет большую роль, чем те образы, которые в нем возникают. Вся роскошь и наслаждения, отражающиеся в тупом сознании глупца, очень бедны в сравнении с сознанием *Сервантеса*, когда он писал «Дон Кихота» в своей печальной тюрьме.

♦ Объективная часть наличной действительности находится в руках судьбы и потому изменчива; субъективная же – это мы сами, и потому в своих существенных чертах она неизменна. Соответственно тому жизнь каждого человека, несмотря на все внешние перемены, носит сплошь один и тот же характер и может быть уподоблена ряду вариаций на одну тему. Никто не может выйти из своей индивидуальности. И подобно тому как животное при всех условиях, в какие его ставят, всегда ограничено тем узким кругом, который неуклонно предначертала его существу природа, так что, например, наши стремления сделать счастливым любимое животное постоянно должны держаться тесных пределов, именно в силу этой ограниченности его существа и сознания, – так и с человеком: его индивидуальностью заранее определена мера возможного для него счастья. В особенности границы его духовных сил раз навсегда устанавливают его способность к возвышенным наслаждениям. Если они узки, то напрасны будут все усилия извне, бесполезно будет все, что могут сделать для него люди и счастье: он не в состоянии будет переступить меру обычного, полуживотного человеческого счастья и довольства; уделом его останутся чувственные наслаждения, благодушная и безмятежная семейная жизнь, низкое общество и вульгарное времяпровождение. Даже образование не может сделать очень многого для расширения его кругозора, хотя некоторых результатов оно и достигает. Ибо высшие, разнообразнейшие и наиболее прочные наслаждения – это духовные, как бы мы ни обманывались на этот счет в молодости, а эти удовольствия зависят главным образом от духовных сил. Отсюда ясно вытекает, насколько наше счастье обусловлено тем, что мы есть, нашей индивидуальностью; между тем по большей части люди обращают внимание лишь на судьбу, на то, что мы имеем или чем представляемся. Но судьба может меняться к лучшему; к тому же, при внутреннем богатстве, человек не требует от нее многого. Напротив, глупец остается глупцом, тупой чурбан – тупым чурбаном остается до конца дней своих, хотя бы он очутился в раю и был окружен гуриями. Поэтому Гёте и говорил:

Раб, народ и угнетатель
Вечны в беге наших дней, –

Счастливы мира обитатели
Только личностью своей².

Что для нашего счастья и нашего наслаждения субъективное несравненно важнее объективного, это находит себе подтверждение во всем, начиная от таких фактов, что голод есть лучший повар и что старик равнодушно взирал на богиню юности, и кончая жизнью гения и святого. В особенности здоровье стоит настолько выше всех внешних благ, что поистине здоровый нищий счастливее больного царя. Обусловленный полным здоровьем и счастливой организацией спокойный и веселый нрав, ясный, живой, пронизательный и верно схватывающий ум, умеренная, кроткая воля, дающая чистую совесть, – вот преимущества, которых не может заменить никакой ранг, никакое богатство. Ибо то, что есть индивид сам по себе, что остается наедине с ним и чего никто не может ему дать или у него отнять, имеет, очевидно, для него более существенное значение, нежели все, чем бы он ни обладал и чем бы он ни был в глазах других. Человек с богатым внутренним миром, находясь в совершенном одиночестве, получает превосходное развлечение в своих собственных мыслях и фантазиях, тогда как тупицу не оградит от смертельной скуки даже постоянная смена компании, зрелищ, прогулок и увеселений. Добрый, умеренный, миролюбивый человек может быть доволен и в бедности, тогда как алчного, завистливого и злого не удовлетворит никакое богатство. И для того, кто постоянно наслаждается своей необычной, выдающейся в духовном отношении индивидуальностью, большинство наслаждений, к которым все стремятся, совершенно излишни, даже прямо нежелательны и тягостны. Вот почему Гораций и говорит о себе:

Gemmas, marmor, ebur, Tyrrhena sigilla, tabellas,
Argentum, vestes Gaetulo murice tinctas:
Sunt qui non habeant – est qui non curat habere³.

Также и Сократ при виде разложенных для продажи предметов роскоши заметил: «Как много, однако, существует такого, в чем я не нуждаюсь».

◆ Таким образом, для счастья нашей жизни первое и самое существенное условие – то, что мы есть, наша личность; и это уже потому, что она действует всегда и при всех обстоятельствах. Но сверх того она не подчинена, как блага двух других отделов, судьбе и не может быть у нас отнята. На этом основании ее ценность можно назвать абсолютной, в противоположность чисто относительной ценности остальных двух категорий. А отсюда следует, что человек гораздо менее подлежит воздействию извне, чем обычно думают. Только всемогущее время и здесь проявляет свою власть: ему подчиняются мало-помалу телесные и духовные преимущества; один лишь моральный характер недоступен даже и для времени. В этом отношении, пожалуй, блага двух последних рубрик имеют преимущества перед благами первой, так как время непосредственно их не отнимает. Другое их преимущество можно видеть в том, что они, как лежащие в сфере объективного, по своей природе доступны приобретению и у каждого есть по крайней мере возможность овладеть ими; субъективное же, напротив, совершенно не в нашей власти: ниспосланное *jure divino*⁴, оно пребывает неизменным во всю жизнь, так что здесь во всей силе приложимы слова:

Со дня как звезд могучих сочетанье

² Перевод В. Левика.

³ Мрамор, слоновая кость, серебро и тирренские куклы, Камни, картины и ткань, пурпурной покрытая краской, –Этого нет у иных, а иной и иметь не стремится (лат.). Пер. Н. Гинцбурга

⁴ Божьим судом (лат.).

Закон дало младенцу в колыбели,
За мигом миг твое существованье
Течет по руслу к прирожденной цели.

Себя избегнуть – тщетное старанье;
Об этом нам еще сивиллы пели.
Всему наперекор вовек сохранен
Живой чекан, природой отчеканен⁵.

Göte

Единственное, что мы можем сделать в этом направлении, – это извлечь из данной нам личности возможно большую выгоду, иными словами – устремляться лишь за отвечающими ей целями и заботиться о такого рода развитии, которое как раз к ней подходит, избегая всякого другого, избирая, следовательно, сообразное с ней положение, занятие и образ жизни.

◆ Положим, человек, одаренный необычайной, геркулесовской мышечной силой, вынужден внешними условиями посвящать себя усидчивому занятию, кропотливой, мелочной ручной работе или даже наукам и умственному труду, которые требуют совсем других, второстепенных для него способностей, так что как раз те способности, какими он особенно наделен, остаются у него без употребления: такой человек всю жизнь будет чувствовать себя несчастным; еще же несчастнее будет тот, в ком решительное преобладание имеют интеллектуальные силы и кто в то же время должен оставлять их без развития и употребления, для того чтобы заниматься обыденными делами, где они не нужны, или даже физическим трудом, для которого он недостаточно крепок. Здесь надо, впрочем, особенно в юности, избегать опасности предубеждения, чтобы не приписать себе чрезмерной силы, какой не имеешь на самом деле.

◆ Из решительного перевеса нашей первой рубрики над двумя остальными следует также, что разумнее стремиться к поддержанию своего здоровья и развитию своих способностей, нежели к приобретению богатства; отсюда не надо, однако, делать ложного вывода, будто мы не должны заботиться о приобретении необходимых и приличных средств. Но собственно богатство, то есть большой избыток, мало способствует нашему счастью, и потому многие богатые чувствуют себя несчастными: у них нет духовного развития, нет знаний и, следовательно, нет никаких объективных интересов, которые могли бы привлечь их к умственной работе. Ведь то, что богатство может дать помимо удовлетворения реальных и естественных потребностей, мало имеет значения для нашего действительного благополучия – напротив, ему вредят те многочисленные и неизбежные заботы, какие сопряжены с сохранением большого имущества. Тем не менее люди в тысячу раз более хлопчут о богатстве, чем об умственном развитии, хотя вполне очевидно, что то, чем *является* индивид, гораздо важнее для нашего счастья, нежели то, что он *имеет*. И мы видим очень много людей, неустанно работающих, трудолюбивых, как муравьи, с утра до вечера занятых приумножением своего уже существующего богатства. Они не знают ничего вне узкого кругозора нужных для этой цели средств; ум у них пуст и поэтому невосприимчив ко всему остальному. Для них недоступны высшие, духовные наслаждения, которые они напрасно стараются заместить теми мимолетными, чувственными, мало времени, но много денег требующими удовольствиями, какие они себе иногда позволяют. Под конец в результате своей жизни, если счастье им улыбалось, они действительно имеют перед собой очень большую кучу денег, которую и оставляют своим наследникам для дальнейшего приумножения или же расточения. Оттого подобный жизненный путь, хотя бы он и был пройден с весьма серьезной и важной миной, столь же глуп, как и тот, что прямо имел своим символом дурацкий колпак.

⁵ Перевод С. Аверинцева.

◆ Таким образом, для счастья человеческой жизни самым существенным является то, что человек *имеет в самом себе*. Именно благодаря тому, что это достояние обычно бывает столь незначительным, большинство тех, кто свободен от борьбы с нуждой, чувствуют себя, в сущности, столь же несчастными, как и те, кому еще приходится с нею бороться. Пустота внутреннего мира, пошлость сознания, бедность ума побуждают людей искать общества, которое опять-таки состоит из совершенно таких же лиц, ибо *similis simili gaudet*⁶. И вот начинается совместная погоня за забавами и развлечениями, которых ищут сначала в чувственных наслаждениях, во всякого рода удовольствиях и, наконец, в распутстве. Причина страшного мотовства, в результате которого сплошь и рядом наследник богатой семьи, часто в невероятно короткое время, расточает свое значительное состояние, заключается на деле просто в той скуке, какая возникает от описанной сейчас духовной бедности и пустоты. Такой юноша явился в свет снаружи богатым, внутри же бедным; и вот он тщетно стремится заменить внутреннее богатство внешним, желая все получить извне, – подобно старцам, которые пытаются укрепить свои силы испарениями молодых девушек. Таким путем внутренняя бедность в конце концов приводит также и к бедности внешней.

◆ Мне нет нужды указывать на ту важную роль, которая принадлежит в человеческой жизни двум другим разрядам благ. Значение собственности настолько теперь всеми признано, что не требует никакого доказательства. Третья рубрика имеет даже в сравнении со второй весьма эфирную природу, заключааясь просто во мнении других людей. Однако к чести, то есть к доброму имени, должен стремиться каждый, к рангу же – только те, кто служит государству, а к славе – лишь крайне немногие. Между тем на честь смотрят как на благо, а в славе видят самое прекрасное, что может достигнуть человек, золотое руно избранных; напротив, ранг предпочтут собственности одни глупцы. Вторая и третья категории благ находятся, впрочем, в так называемом взаимодействии – поскольку прав Петроний со своим «*habet, habebetis*»⁷ и поскольку, с другой стороны, благоприятное мнение других, во всех своих формах, часто ведет к достатку.

⁶ Подобное тяготеет к подобному (*лат.*).

⁷ «Имеешь, еще будешь иметь» (*лат.*).

Глава II. О том, что есть индивид

Мы уже признали в общем, что счастье человека гораздо более зависит от его свойств, нежели от того, что он имеет или чем он представляется. Всегда главное в том, что есть индивид, то есть что он имеет в самом себе, ибо его индивидуальность сопутствует ему постоянно и всюду, накладывая свою печать на все, что он переживает. Во всем и при всем он ближайшим образом наслаждается только собою самим – это справедливо уже относительно наслаждений физических, а еще в гораздо большей мере относительно духовных. Вот почему надо признать очень удачным английское выражение «to enjoy oneself»⁸, когда, например, говорят: «He enjoys himself at Paris» («Он наслаждается собой в Париже»), а не «er genießt Paris», как по-немецки. Если же индивидуальность плохого качества, то все наслаждения подобны превосходным винам, попавшим в рот, где побывала желчь. Поэтому, если оставить в стороне тяжкие несчастья, в хорошем и дурном меньше имеет значения то, что человек встречает и претерпевает в своей жизни, чем то, как он все это воспринимает, иными словами – какова по своему характеру и степени его восприимчивость во всех ее формах. То, что есть индивид сам по себе и что он в самом себе имеет, короче, его личность и ее достоинство – вот единственное, с чем непосредственно связано его счастье и благополучие. Все остальные условия имеют здесь лишь косвенное значение, так что их влияние может быть парализовано, влияние же личности – никогда. Поэтому-то зависть, направленная на личные преимущества, бывает наиболее непримиримой, да и скрывают ее всего тщательнее. Далее, только свойства сознания устойчивы и неизменны и только личность действует постоянно, непрерывно, с большей или меньшей силою сказываясь в каждое мгновение; все же остальное всегда обладает лишь временным, случайным, преходящим действием, а к тому же и само подвержено превращению и перемене, почему Аристотель и замечает: «E gar physis bebaia ou ta chremata»⁹ (Евдемова этика, VII, 2). Этим объясняется, почему несчастье, всецело зависящее от внешних обстоятельств, мы переносим с большей твердостью, чем вызванное собственной виной: судьба может измениться, собственная же природа – никогда. Первым и важнейшим условием для нашего счастья являются, следовательно, субъективные блага: благородный характер, способная голова, счастливый нрав, бодрое настроение и хорошо сложенное, вполне здоровое тело, то есть вообще *mens sana in corpore sano*¹⁰ (Ювенал. Сатиры, X, 356), и потому мы гораздо больше должны заботиться о развитии и поддержании этих качеств, нежели о приобретении внешних благ и внешнего почта.

◆ После всего этого самый ближайший путь к счастью – веселое настроение, ибо это прекрасное свойство немедленно вознаграждает само себя. Кто весел, тот постоянно имеет причину быть таким – именно в том, что он весел. Ничто не может в такой мере, как это свойство, заменить всякое другое благо, между тем как само оно ничем заменено быть не может. Пусть человек молод, красив, богат, пользуется почетом; при оценке его счастья является вопрос, весел ли он при всем этом. С другой стороны, если он весел, то безразлично, молод ли он или стар, строен или горбат, беден или богат, – он счастлив. В ранней молодости мне пришлось однажды открыть какую-то старую книгу, где я прочел: «Кто много смеется, тот счастлив, а кто много плачет, тот несчастен», – очень простодушное замечание, которое, однако, благодаря заключающейся в нем простой истине навсегда врезалось мне в память, каким бы крайним трюизмом оно ни было. По этой причине мы должны широко раскрывать свои двери веселью, когда бы оно ни являлось, ибо оно никогда не приходит не вовремя. Между тем мы часто колеб-

⁸ «Насладиться собой» (англ.).

⁹ «Ибо натура прочна, не материальные средства» (греч.).

¹⁰ Здоровый дух в здоровом теле (лат.).

лемся допустить его к себе, желая сначала знать, действительно ли у нас есть полное основание быть довольными, или же боясь, что оно помешает нашим серьезным размышлениям и важным заботам; но какой прок выйдет из последних, это далеко не известно, тогда как веселость представляет собою прямую выгоду. Только в ней мы имеем как бы наличную монету счастья, а не банковские билеты, как во всем остальном; только она дает немедленное счастье в настоящем и потому есть высшее благо для существ, по отношению к которым действительность облечена в форму нераздельного настоящего между двумя бесконечными временами. Поэтому приобретение и охрану этого блага мы должны ставить впереди всех других забот. А ведь, несомненно, для веселости духа нет менее благоприятного условия, чем богатство, и более благоприятного, чем здоровье: у людей из низших, трудящихся, особенно земледельческих классов мы видим веселые и довольные лица; богатым же и знатным свойственно угрюмое выражение. Нам надлежит, следовательно, прежде всего стремиться к возможно более полному здоровью, лучшим выражением которого является веселость. Для этого, как известно, мы должны избегать всякого излишества и расстройств, всяких бурных и неприятных душевных волнений, а также слишком сильного или слишком продолжительного умственного напряжения; должны ежедневно, по крайней мере два часа, посвящать быстрому движению на чистом воздухе, усердно пользоваться холодными ваннами и соблюдать другие подобные же диетические правила. Без надлежащего ежедневного движения нельзя оставаться здоровым: все жизненные процессы для своего нормального отправления требуют движения как органов, где они совершаются, так и всего тела. Вот почему Аристотель справедливо замечает: «*O bios en te cinesei esti*»¹¹. Жизнь заключается в движении, и в нем ее сущность. Внутри организма везде господствует непрерывное, быстрое движение: сильно и неумолимо бьется сердце со своей сложной двойной систолой и диастолой, прогоняя своими сокращениями всю массу крови через большой и малый круги кровообращения; без остановки действуют легкие, подобно паровой машине; кишки все время извиваются в *motus peristalticus*¹²; во всех железах постоянно идет всасывание и отделение; даже в мозгу совершается двойное движение при каждом ударе пульса и каждом вдохе. Когда же при этом почти совершенно отсутствует внешнее движение, как это мы видим у огромного числа людей, ведущих сидячий образ жизни, то возникает резкое и пагубное несоответствие между внешним покоем и внутренней суматохой. Ибо непрерывное внутреннее движение ищет некоторой поддержки в движении внешнем; помянутое же несоответствие аналогично тому, как если благодаря какому-нибудь аффекту все внутри нас кипит, а вовне мы ничем не смеем проявить своих чувств. Даже для успешного роста деревьев надо, чтобы их колебал ветер. Здесь имеет силу правило, которое короче всего можно выразить по латыни: «*Omnis motus, quo celerior, eo magis motus*»¹³. Насколько наше счастье зависит от веселого настроения, а последнее – от состояния нашего здоровья, это можно видеть, сравнив впечатление, производимое на нас одними и теми же внешними отношениями или случаями, когда мы здоровы и бодры, с тем, как они отзываются на нас, когда болезнь настроит нас мрачно и тревожно. Счастливыми или несчастными делает нас не то, каковы вещи в объективной действительности, а то, какими они являются нам в нашем представлении, – это как раз имел в виду Эпиктет, говоря: «*Tarassei toys anthrhopoys ou ta prhagmata, alla ta perhi ton prhagmaton dogmata*»¹⁴. Вообще же $\frac{9}{10}$ нашего счастья зависят исключительно от здоровья. При нем все становится источником наслаждения; напротив, без него не доставляет удовольствия никакое внешнее благо, каково бы оно ни было, и даже остальные субъективные блага, свойства ума, сердца, характера, от болезненности умяются и терпят большой ущерб. Не без основания

¹¹ «Жизнь состоит в движении» (*греч.*).

¹² Движение перистальтики (*лат.*).

¹³ «Чем быстрее какое-либо движение, тем оно больше движение» (*лат.*).

¹⁴ «Людей волнуют не вещи, а мнения о вещах» (*греч.*).

поэтому люди прежде всего спрашивают друг друга о здоровье и взаимно высказывают пожелание доброго здоровья, ибо действительно оно играет главную роль в человеческом счастье. А отсюда следует, что величайшая из всех глупостей – жертвовать своим здоровьем ради чего бы то ни было: ради наживы, чинов, учености, славы, не говоря уже о сластолюбии и мимолетных наслаждениях, – напротив, все должно отходить перед ним на задний план. Но хотя столь существенно необходимая для нашего счастья веселость очень тесно связана со здоровьем, однако она зависит не от одного только этого условия, ибо и при полном здоровье у человека может быть меланхолический темперамент и преобладать мрачное настроение. В последнем итоге это объясняется, без сомнения, коренными и потому неизменными свойствами организма – преимущественно нормальным или аномальным отношением чувствительности к раздражимости и воспроизводительной силе. При ненормальном преобладании чувствительности получается неровное настроение: временами чрезмерная веселость, преимущественно же – меланхолия. А так как и гениальность обусловлена избытком нервной силы, то есть чувствительности, то Аристотель вполне справедливо заметил, что все выдающиеся и даровитые люди – меланхолики: «Pantes, osoi perittoi gegonasin andres e cata philosophian e politicen e poiesin e technas, phainantai melancholicoi ontes»¹⁵ (Probl., 30, 1). Именно это место, несомненно, имеет в виду Цицерон в своем часто приводимом сообщении: «Aristoteles ait, omnes ingeniosos melancholicos esse»¹⁶ (Тускуланские беседы, 1, 33).

Вообще же очень искусно изобразил интересующую нас здесь врожденную важную разницу основного настроения *Шекспир*:

Nature has fram'd strange fellows in her time:
Some that will evermore peep through their eyes,
And laugh, like parrots, at a bagpiper;
And others of such vinegar aspect,
That they'll not show their teeth in way of smile,
Though Nestor swear the jest be laughable¹⁷.

Венецианский купец, сц. 1

Именно это различие отметил *Платон* выражениями *dyscolos* (тяжелый нравом) и *eucolos* (легкий нравом). Оно может быть сведено к весьма различной у разных людей восприимчивости по отношению к приятным и неприятным впечатлениям, благодаря чему один продолжает смеяться там, где другой близок к отчаянию; при этом восприимчивость к приятным впечатлениям обычно бывает тем слабее, чем сильнее воспринимаются впечатления неприятные, и наоборот. Если в каком-либо деле имеется равная возможность счастливого и несчастного исхода, то *dyscolos* при несчастном конце досадует или сокрушается, счастливому же не радуется; *eucolos*, напротив, не досадует и не скорбит при несчастном завершении дела, но радуется счастливому. Когда *dyscolos* из десяти целей достигнет девяти, он не радуется девяти удачам, а печалится об одной неудаче, в обратном случае *eucolos* все-таки сумеет найти утешение и радость в одной удаче. Но так как вообще нет худа без добра, то и здесь оказывается, что хотя *dyscolos*, натуры мрачные и мнительные, в общем, имеют дело с большим числом воображаемых несчастий и страданий, зато у них меньше реальных бед, нежели у людей веселых и беззаботных: ибо кто все видит в черном свете, постоянно боится худшего и потому принимает свои меры, тот не так часто ошибается в расчетах, как человек, всему придающий

¹⁵ «Все замечательные люди в философии, политике, поэзии, искусствах оказываются склонными к меланхолии» (греч.).

¹⁶ «Все талантливые люди меланхолики» (лат.).

¹⁷ Родит природа странных Людей: одни глазуют и хохочут, Как попугай, услышавший волюнку, Другие же на вид, как уксус кислый. Так что в улыбке зубы не покажут, Клянись сам Нестор, что забавна шутка! (англ.) Пер. Т. Щепкиной-Куперник

веселый вид и окраску. Но если об руку с врожденной *dyscolia* идет болезненное поражение нервной системы или пищеварительных органов, то она может достигнуть столь значительной степени, что постоянное недовольство породит отвращение к жизни с последующей склонностью к самоубийству. Это последнее могут тогда вызвать даже самые мелкие неприятности; при высших же степенях такого расстройств даже нет нужды и в них: на самоубийство решаются просто вследствие непрерывно плохого самочувствия, лишая себя жизни с таким холодным обсуждением этого акта и столь твердой решимостью, что больной, большую частью находящийся уже под присмотром, постоянно ищет случая и пользуется первым мгновением недосмотра, чтобы без колебаний, борьбы и содрогания прибегнуть к выходу, который представляется ему естественным и желанным избавлением. Подробные описания такого состояния дает Эскироль в своем сочинении о душевных болезнях (*Esquirol. Maladies mentales*). Но конечно, при случае на самоубийство могут решаться и самые здоровые, быть может, даже веселые люди, именно если огромность страданий или неуклонно приближающейся беды пересилит в них ужас смерти. Единственная разница заключается здесь в различной силе нужного для подобного решения импульса – силе, которая стоит в обратном отношении с *dyscolia*. Чем больше последняя, тем ничтожнее может быть импульс, опускаясь в конце концов до нуля; наоборот, чем больше *eucolia* и поддерживающее ее здоровье, тем большей энергией должен обладать импульс. Сообразно тому существуют бесчисленные переходные стадии между двумя крайними случаями самоубийства, именно самоубийством, которое обусловлено исключительно патологическим усилением врожденной *dyscolia*, и самоубийством здорового и веселого человека, вызванным чисто объективными причинами.

◆ Здоровью отчасти родственна по своему значению красота. Хотя, собственно, это субъективное преимущество содействует нашему счастью не прямо, а лишь косвенным путем, через впечатление на других, оно все-таки имеет большую важность, даже для мужчины. Красота есть открытое рекомендательное письмо, которое заранее склоняет людей в нашу пользу. Вот почему к ней особенно приложим гомеровский стих:

Oy toi apoblet' esti theon epicydea dora,
Ossa ken autoi dosin, econ d'ouc an tis eloito¹⁸.

Самый общий взгляд на жизнь укажет нам на двух врагов человеческого счастья – боль и скуку. К этому можно еще прибавить, что насколько нам удастся избавиться от одного из них, настолько же мы приближаемся к другому, и наоборот, так что жизнь наша действительно представляет собою более сильное или более слабое колебание между ними. Причина этому та, что оба они стоят друг к другу в двойном антагонизме – внешнем, или объективном, и внутреннем, или субъективном. Именно во внешних отношениях нужда и лишения ведут к страданию, обеспеченность же и изобилие – к скуке. Соответственно этому простой народ постоянно борется против нужды, то есть страдания, а богатые и знатные заняты непрерывной, часто поистине отчаянной борьбой со скукой¹⁹. Что касается внутреннего, или субъективного, антагонизма между болью и скукой, то он кроется в том, что у отдельных людей восприимчивость к одной из них находится в обратном отношении с восприимчивостью к другой, определяясь мерою духовных сил данного человека. Именно тупость ума во всех случаях соединяется с тупостью ощущений и недостатком раздражимости, что делает человека менее чувствительным к боли и огорчениям всякого рода и степени. С другой стороны, благодаря этой же самой умственной тупости возникает та, на бесчисленных лицах написанная, а

¹⁸ Нет, ни один не порочен из светлых даров нам бессмертных, Их они сами дают, произвольно никто не получит (греч.). Пер. Н. Гнедича

¹⁹ Кочевая жизнь, которая характерна для низшей ступени цивилизации, вновь обнаруживается на высшей ступени в повсеместно распространившемся туризме. Первая вызывается нуждой, вторая – скукой.

также сказывающаяся в постоянно подвижном внимании ко всем, даже самым незначительным происшествиям внешнего мира *внутренняя пустота*, которая служит истинным источником скуки и все время жаждет внешних поводов, чтобы чем-нибудь привести в действие ум и чувство. Она не выказывает поэтому брезгливости в выборе таких поводов, как о том свидетельствуют жалкие забавы, за которые хватаются люди, равным образом характер их обхождения и разговоров, а также многочисленные зеваки у дверей и окон. Главным образом этой внутренней пустотой и объясняется погоня за обществом, за всякого рода развлечениями, удовольствиями и роскошью, которая многих приводит к расточительности, а затем и нищете. От этой нищеты нет более надежного ограждения, нежели *внутреннее* богатство, богатство духа, ибо чем более возвышается он над посредственностью, тем меньше остается места для скуки. Неисчерпаемая бодрость мысли, ее непрерывная игра с разнообразными явлениями внутреннего и внешнего мира, способность и влечение ко все новым их комбинациям совершенно освобождают выдающегося человека от власти скуки, если исключить момент утомления. Но, с другой стороны, более мощный интеллект прямо обуславливается повышенной восприимчивостью и имеет свой корень в большей энергии воли, то есть страстей: его сочетание с этими свойствами сообщает гораздо большую интенсивность всем аффектам и повышенную чувствительность к душевным и даже к телесным страданиям, даже большее нетерпение при всех препятствиях или хотя бы только задержках; все это в огромной степени повышает обусловленную силой фантазии живость всех вообще представлений, в том числе и неприятных. И сказанное справедливо в соответственной мере относительно всех промежуточных степеней, заполняющих широкое расстояние от совершеннейшего тупицы до величайшего гения. Благодаря этому всякий, как в объективном, так и в субъективном отношении, тем ближе стоит к одному источнику человеческих страданий, чем он дальше от другого. Сообразно тому, руководствуясь в этом отношении своей природной склонностью, каждый старается по возможности согласовать объективное с субъективным, то есть оградить себя главным образом от того источника страданий, к которому он больше чувствителен. Человек с богатым внутренним миром прежде всего будет стремиться к отсутствию боли, досады, к покою и досугу, то есть изберет тихое, скромное, но по возможности свободное от тревог существование и потому, после некоторого знакомства с так называемыми людьми, будет избегать общения с ними, а при большом уме – даже искать одиночества. Ибо чем больше кто имеет в себе самом, тем меньше нуждается он во внешнем и тем меньше также имеют для него значение остальные люди. Таким образом, выдающийся ум ведет к необщительности. Конечно, если бы качество общества можно было заменить количеством, то стоило бы жить даже в большом свете; но, к сожалению, из ста глупцов, взятых вместе, не выйдет и одного разумного человека. Представитель другой крайности, коль скоро у него не стоит за плечами нужда, во что бы то ни стало гонится за забавами и обществом и легко довольствуется всем, ничего не избегая так старательно, как самого себя. Ибо в одиночестве, когда каждый должен ограничиваться собственной особой, обнаруживается, что он имеет *в себе самом*; тогда-то облаченный в пурпур простофиля начинает вздыхать под неизбывным бременем своей жалкой индивидуальности, меж тем как человек даровитый самую пустынную обстановку населяет и оживляет своими мыслями. Вот почему очень справедливо замечание *Сенеки*: «*Omnis stultitia laborat fastidio sui*»²⁰ (Письмо 9); также Иисус, сын Сираха, говорит: «Жизнь глупца злее смерти». Поэтому, в общем, и оказывается, что человек настолько бывает общительным, насколько он духовно беден и вообще посредствен²¹. Ибо на свете нам предоставлено немногим более, чем выбор между одиночеством и пошлостью. Самые общительные из всех людей, говорят, негры, которые как раз и в интеллектуальном отношении отличаются наибольшей отсталостью: по сведениям из Северной Америки во фран-

²⁰ «Всякая глупость страдает от отвращения к себе» (лат.).

²¹ Именно скудость делает людей общительными.

цузских газетах (Le Commerce, 1837, 19 oct.), черные, как свободные, так и рабы, в большом числе скучиваются на самом тесном пространстве, так как их черные курносые лица дают им зрелище, которым они не могут достаточно налюбоваться.

◆ Согласно с тем, что мозг является паразитом или пенсионером всего остального организма, добытый человеком досуг, позволяя ему пользоваться своим сознанием и своей индивидуальностью, составляет плод и прибыль всей его жизни, которая в остальном являет собою одни труды и заботы. Но что же дает большинству людей досуг? Его заполняют скука и пустота, когда нет чувственных наслаждений или дурачеств. Что он не имеет никакой цены, на это указывает, как его проводят такие люди: это именно *ozio lungo d'uomini ignoranti*²², по выражению Ариосто. Обыкновенные люди думают только о том, чтобы *провести* время; у кого есть какой-нибудь талант, те хотят *использовать* это время. Если ограниченные головы так подвержены скуке, то это объясняется тем, что их интеллект служит исключительно только *посредником мотивов* для их воли. Если же воспринимающей способности нет пища ни в каких мотивах, то воля остается в покое и интеллект – в праздности: и та и другой в одинаковой мере не способны к самостоятельности. В результате – страшный застой всех сил во всем организме, скука. И вот для ее предотвращения воле подсовывают ничтожные, временные и по произволу взятые мотивы, долженствующие возбуждать ее и через это приводить в деятельность также и интеллект, которому приходится их воспринимать; они относятся поэтому к действительным и естественным мотивам, как бумажные деньги к серебру: их стоимость определена произвольно. Такими именно мотивами служат *игры*, карточные и др., изобретенные ради указанной цели. Нет их – ограниченный человек старается помочь себе треском и громом, всем, что попадется ему под руку. И сигара будет для него желанным суррогатом мыслей. Поэтому-то во всех странах главным занятием всякого общества и стала карточная игра: она является мерилем ценности этого общества и признанным банкротством мысли. В самом деле, так как у людей нет мыслей, которыми бы они могли обмениваться, они обмениваются картами, стараясь отнять друг у друга гульден. О, жалкое поколение! Однако, чтобы и здесь не быть несправедливым, я не обойду молчанием той мысли, будто для оправдания карточной игры можно, пожалуй, сказать, что она служит приготовлением к светской и деловой жизни, так как приучает умело пользоваться выпавшими на долю неизменными обстоятельствами (картами) и всякий раз поступать соответствующим образом, – для этой цели важна также привычка сохранять самообладание, являя веселый вид при неудачной игре. Но как раз поэтому карточная игра имеет, с другой стороны, и деморализующее влияние. Дух игры заключается именно в том, чтобы всячески, всеми хитростями и уловками выиграть у другого его деньги. А привычка поступать так в игре укореняется, проникает в практическую жизнь, и человек постепенно приходит к тому, что точно так же действует и в вопросах о моем и твоём, считая дозволенной всякую попавшуюся в руки выгоду, только бы она не запрещалась законом. Бюргерская жизнь дает ведь ежедневные доказательства этому. Так как, следовательно, ввиду сказанного, *досуг*

²² Долгий досуг невежественных людей (*ит.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.